СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 8.

ЗАМѢТКИ

о сущности

НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Я. К. Грота.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1878 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ЗАМѢТКИ О СУЩНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

(Академика Я. К. Грота.)

Фонетика, опирающаяся на физіологію звуковъ, есть вообще отрасль науки, еще мало разработанная; тѣмъ болѣе нова она въ области славянскихъ языковъ. Въ своихъ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (томъ II) я старался поставить русскую фонетику на это единственно надежное основаніе и показать, ка́къ не вполнѣ правильное пониманіе сущности звуковъ языка приводило даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ филологовъ къ разнымъ недоразумѣніямъ. Германскіе ученые хотя ранѣе насъ сознали необходимость обозначенной мною точки зрѣнія и примѣняли физіологическій методъ отчасти и къ славянскимъ языкамъ, но по недостатку практическаго съ ними знакомства, изучая ихъ звуки главнымъ образомъ по книгамъ, впадали въ ошибки другого рода. Мы, Русскіе, обладая однимъ изъ богатѣйшихъ по звукамъ языковъ и пріобрѣтая съ дѣтства навыкъ въ иностранной рѣчи или по крайней мѣрѣ слыша ее вокругъ себя, имѣемъ въ этомъ отношеніи значительное передъ другими Европейцами преимущество; но авторитетъ, какимъ пользуется у насъ западная наука, былъ причиною, что иногда наши ученые, принявъ безъ надлежащей критики положенія Нѣмцевъ по нашей фонетикѣ, повторяли и до сихъ поръ повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторые ихъ ошибочные взгляды.

Къ этимъ мыслямъ привело меня чтеніе появившагося недавно въ Кіевѣ труда профессора А. С. Будиловича: *Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія*, труда, помѣщеннаго въ 1-мъ выпускѣ «Извѣстій Нѣжинскаго Историко-Филологическаго института» и напечатаннаго также отдѣльными оттисками. Это собственно не изслѣдованіе, а отдѣлъ лекцій автора, распадающійся на три части: 1) Ученіе о строеніи славянскихъ корней; 2) Ученіе объ образованіи основъ, и 3) Ученіе объ образованіи словъ. Нельзя не быть благодарнымъ автору за такое изложеніе въ сжатомъ систематическомъ видѣ выводовъ современной науки относительно разсматриваемаго предмета. Этотъ еще молодой профессоръ успѣлъ уже, въ немногіе годы своей дѣятельности, обратить на себя вниманіе нѣсколькими замѣчательными трудами, особенно же своимъ изслѣдованіемъ о древне-славянскомъ переводѣ 13-ти словъ Григорія Богослова (1871) и самымъ изданіемъ текста ихъ, напечатаннымъ въ *Сборникѣ* II-го Отдѣленія Академіи Наукъ (1875). Хотя въ настоящее время языкоизслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ и не составляетъ главнаго предмета занятій г. Будиловича, посвящающаго себя преимущественно славянской этнографіи, тѣмъ не менѣе новый трудъ его обнаруживаетъ обстоятельное знакомство и съ избранною имъ здѣсь областью филологіи. Болѣе слабую сторону его представляетъ фонетика, которая, правда, только мимоходомъ входитъ въ его разсмотрѣніе, но тѣмъ не менѣе не можетъ не составлять одного изъ самыхъ существенныхъ основаній всего трактата.

Въ самой терминологіи автора по этой части хотѣлось бы видѣть болѣе точности. Такъ, принимая извѣстное дѣленіе звуковъ на momentaneae и continuae, онъ по-русски называетъ послѣдніе (стр. 58) *протяжными;* очевидно, что это названіе не соотвѣтствуетъ особенности артикуляціи звуковъ *в*, *ф*, *з*, *с* и др., которые слѣдуетъ называть *длительными* или *продолжительными* (Dauerlaute, а не gedehnte). Далѣе, г. Будиловичъ еще держится мнѣнія объ эвфоніи (благозвучіи), какъ источникѣ происхожде-

нія многихъ звуковыхъ измѣненій и переходовъ, хотя уже давно Брюкке въ своемъ сочиненіи Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute показалъ, что звуки измѣняются не ради благозвучія, а въ слѣдствіе требованій самыхъ органовъ рѣчи. Взглядъ этотъ сдѣлался господствующимъ въ современной филологіи. Правда, и г. Будиловичъ признаетъ (стр. 28), что «въ наукѣ часто злоупотребляли терминомъ эвфонія», но не смотря на то, онъ объясняетъ этимъ началомъ разныя явленія въ языкѣ: такъ на стр. 11 онъ говоритъ объ эвфоническихъ вставкахъ въ составѣ корней, на стр. 15—что въ древнихъ арійскихъ языкахъ первый членъ редупликаціи сокращался по требованіямъ эвфоніи; на стр. 28 считаетъ способомъ устраненія зіянія вставку эвфонич. согласныхъ *й*, *в*; такою же считаетъ онъ вставку *с* (стр. 54).

Далѣе, не совсѣмъ удаченъ терминъ *придыхательный*, которымъ авторъ означаетъ звуки: *й* (стр. 33), *в* (35) и др. За неимѣніемъ вполнѣ утвердившагося русскаго термина для передачи названія spirant, лучше было бы взять этотъ готовый латинскій терминъ; слово же *придыхательный* нужно намъ и незамѣнимо для означенія звуковъ, извѣстныхъ въ санскритѣ и древне-греческомъ языкѣ подъ именемъ aspiratae. Придыханіемъ можно называть только: 1) Spiritus asper у Грековъ и 2) звукъ, являющійся въ санскритѣ послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ въ слогахъ *бга*, *дга*, *тга*. Мы въ точности не знаемъ какъ Греки нѣкогда произносили свои ϑ, φ, χ, но судя потому, что Римляне на письмѣ изображали ихъ th, ph, ch, можемъ заключать, что въ греческомъ языкѣ были первоначально такія же, хотя не столь распространенныя придыханія, какъ въ санскритѣ, почему и осталось за этими звуками названіе придыхательныхъ; славянскіе же языки, какъ и почти всѣ остальные европейскіе, по крайней мѣрѣ, новѣйшіе, не знаютъ придыханій въ послѣднемъ значеніи.

Но всего болѣе слѣдуетъ остановиться на томъ, что г. Будиловичъ безусловно присталъ къ нѣкоторымъ германскимъ филологамъ въ теоріи о согласной натурѣ звука *й* (jot). По примѣру

Миклошича, Шлейхера и другихъ онъ признаетъ за аксіому, что j (*й*) есть согласный звукъ, и принимая формулы: *бойъ*, *гнойъ*, разсуждаетъ такимъ образомъ (стр. 27): «Отсутствіе *ъ* въ формахъ: *бой*, *покой*, *гной* не должно возбуждать въ насъ сомнѣній касательно суффикса этихъ формъ. Косвенные падежи показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою основы, образованныя суффиксомъ *а* (*ъ*). Форма *бойъ* не встрѣчается въ памятникахъ древнеславянскаго языка; однако она не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго съ его фонетикой, такъ какъ *й* (іотъ) есть звукъ согласный, слѣдовательно не только могъ, но и долженъ былъ имѣть послѣ себя гласный пазвукъ, подобно всѣмъ остальнымъ согласнымъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. *в* въ вышеприведенныхъ случаяхъ) ничуть не отличны по силѣ своего согласнаго характера отъ іота. Причина опущенія этого *ъ* послѣ *й* могла быть двоякая: 1) ложный взглядъ не только славянскихъ, но и другихъ древнихъ, а отчасти и новыхъ писателей на звукъ *й* (j), который по своей близости къ гласному *и* (і) самъ казался гласнымъ, не будучи такимъ въ сущности; 2) общая слабость вокальныхъ пазвуковъ *ъ*, *ь* въ древнеславянскомъ уже языкѣ, обнаруживающаяся въ частомъ ихъ опущеніи на письмѣ, особенно въ предложныхъ префиксахъ».

Изъ этихъ строкъ, парафразирующихъ сказанное Шлейхеромъ (Kirschensl. Formenlehre, стр. 85), видно, что главнымъ основаніемъ вышеприведенныхъ искуственныхъ формулъ (*бойъ* и проч.) служатъ косвенные падежи (*бой-а*, *бой-у* и т. д.) и что слѣдовательно *ъ* въ именительномъ придуманъ для симметріи. Еслибъ послѣдователи этой орфографіи пристальнѣе обратили вниманіе на сущность звуковъ, на физіологическую сторону дѣла, то можетъ-быть убѣдились бы въ невозможности предполагать послѣ *й* въ древнемъ произношеніи гласный пазвукъ, т. е. нѣчто похожее на *о* или *у*. Иначе почему же тогдашніе писцы не стали бы означать на письмѣ этого добавочнаго звука, который они ставили во всѣхъ другихъ случаяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальное правописаніе было чисто-фонетическое. Итакъ причина

того, что послѣ *й* не ставили *ера*, была конечно попросту та, что его и не слышали. Въ доказательство того, что формула *бой-ъ* не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго древне-славянской фонетикѣ, приводятъ только одно: «*й* есть согласный звукъ», но спрашивается: изъ чего же это видно? Займемся этимъ вопросомъ.

Физіологическое различіе между гласными и согласными заключается существенно въ томъ, что при произнесеніи первыхъ устный проходъ остается открытымъ, для артикуляціи же послѣднихъ двѣ части рта образуютъ между собой затворъ или по крайней мѣрѣ суженіе. Замѣчается ли такая разница при произношеніи *и* и *й*? Если станемъ произносить *и* не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напр. къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (*і*) непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо будетъ опять произнести *и* (*і*), какъ напр. въ англ. словѣ year или въ русскомъ *ихъ*, *имъ*, *ручьи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется), языкъ нѣсколько приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ всю разницу въ произношеніи обоихъ звуковъ составляетъ только бóльшая или меньшая продолжительность того и другого, такъ что *й* несомнѣнно оказывается полугласнымъ. Но и при артикуляціи *йи* суженіе между языкомъ и небомъ не настолько значительно, чтобъ можно было слышимый при этомъ звукъ назвать согласнымъ.

Еще явственнѣе обнаруживается это, если взять слово, оканчивающееся на *й* (напр. *край*) и продолжать произносить послѣдній звукъ, который при этомъ сейчасъ обращается въ чистое *и*: звуковое различіе между *край* и *краи* заключается только въ томъ, что первое слово односложно, а второе состоитъ изъ двухъ слоговъ. Въ слогѣ *ай*, какъ и во всякомъ другомъ дифтонгѣ, обѣ составныя части сохраняютъ свою первоначальную натуру. Чтобы доказать противное, г. Будиловичъ, какъ дѣлали и другіе до него,

приравниваетъ къ *и* звукъ *в*; но это невѣрно, ибо въ составѣ дифтонга звуку *й* соотвѣтствуетъ не *в*, а *у*: если вмѣсто *й* поставимъ *у* рядомъ съ другимъ гласнымъ и соединимъ оба звука въ одинъ слогъ, то при этомъ *у* не сдѣлается согласнымъ, а сохранитъ свою гласную натуру и по краткости своей будетъ признанъ за полугласный, напр. въ англ. we, were, word [1]) или how, now; въ нѣм. bau, lau. Въ собственно-русскихъ словахъ *у* никогда не является полугласнымъ членомъ дифтонга, и при сложеніи двухъ словъ въ одно (*за-утра*), гдѣ бы онъ могъ играть эту роль, отверждается въ *в*; то же бываетъ въ нѣкоторыхъ чужеязычныхъ словахъ, каковы напр. *авторъ*, *аврора*, *евангеліе*; но въ другихъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, напр. *гауптвахта*, *цейхгаузъ*, *бау*-адъютантъ, *у* и у насъ остается полугласнымъ, и Русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга *ау*. Въ русскихъ же по происхожденію словахъ, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* можетъ сокращаться въ полугласный для образованія дифтонга, при чемъ вторымъ членомъ можетъ служить каждый изъ прочихъ гласныхъ нашихъ, т. е. мы имѣемъ дифтонги: *йа* (я), *йэ* (*е*, *ѣ*), *йо* (*ё*), *йу* (*ю*) и *ай*, *эй*, *ой*, *уй* [2]).

Къ недоразумѣнію относительно натуры *й* способствовали два обстоятельства:

1) Не всегда точная и послѣдовательная орѳографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разсматриваемый звукъ изображается то чрезъ j, то чрезъ i, а прежде означаемъ былъ и чрезъ y, напр. jahr, jung, bei, ein, zwey, seyn. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ словахъ слабѣйшій звукъ дифтонга — одинъ и тотъ же, соотвѣтствующій русскому *й*, а едва ли кто захочетъ утверждать, что буква *i* въ ein, dein и проч. есть согласная. Такъ же непослѣдовательны и Русскіе, когда они перваго звука своихъ диф-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ англійскихъ словахъ начальное w звучитъ не какъ чистое *у*: передъ этимъ звукомъ слышится еще какъ будто нѣчто среднее между *у* и *в*, но всетаки еще не *в*, т. е. не согласный звукъ, хотя суженіе губного отверстія и нѣсколько болѣе нежели при образованіи *у*.

[2]) Излишне было бы останавливаться здѣсь на томъ, что звуки *яй*, *ей*, *юй*, собственно говоря, *трифтонги*, почему о нихъ здѣсь и не упоминается.

тонговъ *йа*, *йэ*, *йо*, *йу* совсѣмъ не пишутъ, превращая древнія ꙗ, ѥ въ *я*, *е*, и вмѣсто *йо*, *йу* начертывая *е*, *ю*, отчего многіе и не сознаютъ присутствія йота въ этихъ начертаніяхъ. Только въ иностранныхъ словахъ начали въ новѣйшее время употреблять *й* въ началѣ и въ срединѣ словъ (*йоркъ*, *майоръ*); но во множествѣ случаевъ пишутъ еще по старому *і* вмѣсто *й*, напр. *Іорданъ*, или даже ставятъ лишнее *і* передъ буквою, которая уже сама по себѣ образуетъ дифтонгъ: *Іерусалимъ*, *іюнь*, *іюль*. Одни Англичане и Шведы остаются вѣрны себѣ въ означеніи звука jot: первые всегда употребляютъ на то y (whye), а послѣдніе j; Англичане пишутъ: yes, yacht, your; boy, eye; Шведы: ja, jul, hjerta, nej, koja, olja, familj.

2) Для образованія слога слабѣйшій членъ дифтонга дѣйствительно получаетъ назначеніе (*функцію*) согласнаго, играетъ *роль* его, почему древніе грамматики и дали йоту названіе i consonans (или i consona), но по натурѣ своей этотъ звукъ, какъ было показано, остается гласнымъ.

У Нѣмцевъ jot все еще составляетъ камень преткновенія фонетики. Большая часть филологовъ ихъ считаетъ его, въ слѣдствіе сейчасъ объясненнаго обстоятельства, согласнымъ звукомъ; но въ словаряхъ Гримма и Вейганда онъ принимается за полугласный; Лепсіусъ разсматриваетъ его въ разрядѣ согласныхъ, но называетъ его полугласнымъ [1]). Брюкке, пріобрѣтшій сильный авторитетъ въ физіологіи звуковъ, въ отношеніи къ jot впалъ въ странное недоразумѣніе и, утративъ свою обычную проницательность, утверждаетъ (Grundzüge, 2-е изд., 91) что при произнесеніи jot не пропадаетъ гласный i, но слышатся одновременно и онъ и *согласный* jot. На несообразность этого мнѣнія я обратилъ уже вниманіе въ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (т. II, стр. 30). Недавно въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ взглядѣ г. Крейтеръ (Kräuter) въ приложеніи къ своему изслѣдованію Zur Lautverschiebung (см. стр. 115). Какъ г. Крейтеръ, такъ и выступив-

---

[1]) Das allgemeine linguistische Alphabet, стр. 29.

шій ранѣе его г. Сиверсъ (послѣдній въ сочиненіи Die Grundzüge der Lautphysiologie) значительно содѣйствовали къ разъясненію спорнаго вопроса о натурѣ звука jot, и я считаю полезнымъ представить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ ихъ замѣчаній по этому предмету. Г. Сиверсъ различаетъ два звука jot, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, согласный, а другой полугласный. О первомъ онъ говоритъ (стр. 33): «Если во время образованія i усилить выдыхательное давленіе, не измѣняя гортанной артикуляціи, то постепенно производится проточный звукъ j, какъ его произносятъ въ сѣверной Германіи». Далѣе (стр. 73) авторъ распространяетъ качество спиранта j и на среднюю Германію и прибавляетъ: «необходимо отличать его отъ полугласнаго i, который часто встрѣчается напр. въ южной Германіи». Такъ какъ полугласный большею частью является въ дифтонгахъ, то посмотримъ напередъ, какъ г. Сиверсъ понимаетъ подобную звуковую группу. «Подъ дифтонгомъ, говоритъ онъ (стр. 86), разумѣютъ сочетаніе двухъ, однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ производимыхъ, т. е. образующихъ одинъ лишь слогъ, простыхъ, обыкновенно краткихъ гласныхъ, изъ коихъ первый носитъ болѣе сильный акцентъ.» Гласный, который по отсутствію на немъ акцента ослабѣлъ до функціи согласнаго, признаётся г. Сиверсомъ за *полугласный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ замѣчено, что такая смѣна функцій случается только передъ гласнымъ, имѣющимъ болѣе сильное удареніе. «Поэтому, прибавляетъ г. Сиверсъ, (стр. 88) можно, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ дифтонговъ, сказать также, что полугласный происходитъ при соединеніи двухъ гласныхъ, изъ которыхъ *второй* носитъ удареніе.» Сознаюсь однакожъ, что мнѣ непонятно, почему послѣдующій гласный не можетъ, наравнѣ съ предшествующимъ, исполнять роль согласнаго: мнѣ напротивъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ, т. е. что какъ въ je (йэ), такъ и въ ej (эй) звукъ jot (й) по своей природѣ остается гласнымъ, но имѣетъ функцію согласнаго. Весьма справедливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи г. Крейтеръ (стр. 117): «Прежде всего предосудителенъ произволъ, съ которымъ сочетанія $\widehat{ai}$, $\widehat{oi}$, $\widehat{au}$ и т. д.

разсматриваются совершенно иначе, нежели i͡a, i͡o, u͡a и т. д.; это то же самое, что напр. смотрѣть на l въ al не такъ, какъ въ la». Для краткости не продолжаю этой выписки, но всякому, интересующемуся занимающими насъ вопросами, совѣтую прочесть и слѣдующія за симъ страницы небольшой книги г. Крейтера. Вниманія заслуживаетъ и то, что́ гораздо ранѣе его сказалъ г. Таузингъ въ дѣльномъ своемъ сочиненіи: «Das natürliche Lautsystem» (стр. 90 и сл.): онъ очень основательно принимаетъ два вида дифтонговъ, смотря по тому, имѣютъ ли они *нисходящій* характеръ (какъ въ нѣмец. Haus, heiss), или *восходящій* (какъ во франц. roi, lui). Но замѣчательно, что несмотря на это вѣрное пониманіе дѣла, и г. Таузингъ не замѣчаетъ двугласности слоговъ ja, je и т. п., и въ слѣдствіе того равнымъ образомъ видитъ въ jot согласный по его натурѣ. Между тѣмъ отъ этого изслѣдователя можно было бы ожидать болѣе проницательнаго взгляда, такъ какъ онъ нѣсколько далѣе вполнѣ правильно разсуждаетъ: «Если возлѣ гласнаго, образующаго слогъ, дать мѣсто еще другому гласному, то этотъ послѣдній въ силѣ и продолжительности тона долженъ ослабѣть до степени согласнаго, будетъ ли онъ принадлежать къ тому или другому разряду звуковъ» (т. е. хотя бы онъ по своей природѣ оставался гласнымъ).

Къ выпискамъ, дающимъ понятіе о выводахъ г. Сиверса, прибавлю еще слѣдующее его замѣчаніе: «Со спирантами j и w, которые часто отъ болѣе сильныхъ суженій (въ устномъ каналѣ) развиваются изъ i и u, не должно смѣшивать этихъ послѣднихъ» (Grundzüge, стр. 89). Но г. Крейтеръ съ своей стороны говоритъ (Lautverschiebung, 149, 150): «Нигдѣ въ Германіи я не слышалъ, чтобы j произносили не какъ полугласное i; люди, утверждающіе что j другой звукъ чѣмъ i, приводятъ въ подкрѣпленіе этого только такіе доводы, которые показываютъ, что j Mitlauter (созвучникъ), а не Selbstlauter (самогласъ)». Чтобы понять эти слова въ настоящемъ ихъ смыслѣ, надобно знать различіе, устанавливаемое г. Крейтеромъ между названіями Mitlauter и Consonant (созвучащій и согласный) и явствующее уже изъ заглавія

статьи, приложенной къ книгѣ его, именно: «Vokalische Mitlauter und Konsonantische Selbstlauter» (гласные созвучники и согласные самогласы). Съ его точки зрѣнія (стр. 113) терминъ «Konsonant» (σύμφωνον) обозначаетъ не натуру звуковъ, а способъ ихъ употребленія въ языкѣ, слѣдовательно основывается на совершенно другомъ началѣ дѣленія, нежели «Vokal». «Названіе Konsonant, продолжаетъ онъ, придали подлежащимъ звукамъ, потому что они у Грековъ одни, сами по себѣ, не служатъ къ образованію слога, но всегда являются въ немъ только спутниками другихъ звуковъ. Та же наклонность обращать вниманіе болѣе на роль, какую звукъ играетъ въ языкѣ, нежели на существо его, обнаруживается позднѣе и у Римлянъ». Для бо́льшаго еще разъясненія дѣла, г. Крейтеръ замѣчаетъ: «Когда симитскіе грамматики разсматриваютъ *двугласные* (Doppellaute), какъ сочетаніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, то это по формѣ выраженія конечно неправильно, потому что *і* и *у* нисколько не измѣняютъ своего звука, своей физіологической натуры, слѣдовательно считаются гласными; но по смыслу это совершенно вѣрно, ибо подъ согласнымъ тутъ разумѣется не что иное, какъ то же самое, что́ я называю Mitlauter (созвучникомъ)». Наконецъ, г. Крейтеръ справедливо вызываетъ (стр. 119) одного рецензента разъяснить, въ чемъ же заключается разница между такъ называемымъ двугласнымъ аі и и слогомъ ăj, въ которомъ j будто бы выговаривается какимъ-то особеннымъ, нѣмецкимъ способомъ. Обычное выраженіе: «j вокализируется», когда оно должно означать различіе между aj и односложнымъ aі, изобличаетъ жалкую зависимость отъ правописанія». Сказанное г. Крейтеромъ на той же страницѣ, что «Славяне въ своихъ ои, аи, еи, уи и т. д. видятъ совершенно то же, что въ ой, ай, ей, уй и т. д.» сохраняетъ свою вѣрность и въ обратномъ смыслѣ, т. е.: ой, ай, ей, уй значатъ то же что ои, аи, еи, уи, съ тою только разницею, что первый способъ начертанія указываетъ на возможно-краткую продолжительность звука *и*, который точно такъ же произносится въ нѣмецкихъ словахъ ei, sei, hai, ein, sein, hain, не будучи на письмѣ отличаемъ отъ полнаго

и. Но что въ такихъ случаяхъ славянское *й* совершенно тожественно съ нѣмецкимъ *i*, что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать за нимъ въ концѣ слова (даже и въ древнемъ языкѣ) еще какой-то призвукъ и означать этотъ послѣдній на письмѣ еромъ, этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный читатель.

Правильный взглядъ на *й* находится въ тѣсной связи съ истиннымъ пониманіемъ тѣхъ двухъ звуковыхъ оттѣнковъ, которые означаются *еромъ* и *еремъ* и противоположность которыхъ проходитъ черезъ всю систему русскихъ звуковъ, составляя исконную особенность славянскихъ языковъ. Такъ какъ отмѣчаемый этими полугласными выговоръ почти безслѣдно исчезъ въ большей части названныхъ языковъ, то естественно, что западному Европейцу чрезвычайно трудно составить себѣ ясное понятіе о сущности этихъ двухъ звуковъ. Мы лишь приблизительно можемъ уразумѣть древнее значеніе обѣихъ полугласныхъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду неопредѣленный звукъ Англичанъ (напр. въ but), французское e muet или произношеніе у Чеховъ и Сербовъ нѣкоторыхъ слоговъ, которые пишутся безъ гласныхъ. Но значеніе *ера* и *еря*, какъ двоякаго призвука при согласныхъ, сохранилось въ русскомъ языкѣ: въ каждомъ изъ этихъ двухъ полугласныхъ слышится какъ бы приступъ къ произношенію либо широкаго гласнаго (а, о, у), либо тонкаго (э, и)[1]. Отличаемая знаками ъ и ь артикуляція согласныхъ зависитъ отъ особеннаго

[1]) У насъ по большей части представляютъ себѣ букву *э* какъ представительницу широкаго звука, что́ выражается особенно въ томъ, что въ заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ именахъ ее употребляютъ послѣ согласной не иначе какъ для замѣщенія франц. è, ê или ai, нѣмецк. ä и т. п., напр. *тэма*, *мэръ*, *Раблэ*, *Бэръ*, но при этомъ теряютъ изъ виду, что въ русскомъ языкѣ буква *э*, такъ же какъ и *е*, *ѣ*, означаетъ двоякій звукъ, какъ легко замѣтитъ всякій одаренный не слишкомъ грубымъ слухомъ, при сравненіи напр. словъ *э*-ти и *э*-та, *э*-рикъ и *э*-ра. Такъ какъ всякая согласная можетъ имѣть у насъ только двоякій звукъ, т. е. одинъ, означаемый *еромъ*, и другой *еремъ*, то очень не трудно убѣдиться, какова́ гласная, т. е. широкая ли она, или тонкая; для этого сто́итъ только приставить ее къ согласной и посмотрѣть, какъ произнесется эта послѣдняя—съ *еромъ* или съ *еремъ*; напр. въ словахъ *Раблэ*, *атлэтъ л*, не смотря на видимую широкость гласной *э*, будетъ произнесенъ

выговора русскихъ гласныхъ, значительно отступающаго отъ произношенія тѣхъ же звуковъ у западныхъ Европейцевъ. Такъ напр. наши слоги ра, ро, ру, ре, ри звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ французскіе или нѣмецкіе ra, ro, ru, re, ri; та же разница замѣчается и при измѣненномъ порядкѣ звуковъ (ар, ор, ур и т. д.). Если возьмемъ въ этихъ трехъ языкахъ нѣсколько словъ, повидимому составленныхъ изъ тѣхъ же звуковъ, напр. нѣмецкія koth, pott, rad, rath, nie; французскія: côte, cotte, rate, nid, и русскія: котъ, потъ, радъ, ни, то найдемъ, что два первые ряда словъ почти однозвучны, послѣдній же звучитъ совершено иначе. Всего поразительнѣе эта разница при *л*, но она ощутительна и при всякой другой согласной, и происходитъ отъ того, что мы отличаемся отъ прочихъ европейскихъ народовъ какъ самымъ растворомъ рта и движеніемъ органовъ рѣчи, которые точнѣе опредѣлить могутъ лишь физіологи, такъ и большею силой выдыханія. Обстоятельство что ъ и ь никогда не являлись въ началѣ слога, указываетъ на то, что они всегда служили только вспомогательными звуками при согласныхъ, опорою ихъ, хотя быть-можетъ нѣкогда и подходили ближе къ полнымъ гласнымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считающіе и *й* и *ь* за сокращенное i (Шлейхеръ, Ksl. Form. стр. 9 и 154), не обращаютъ вниманія на различную продолжительность и разное значеніе этихъ двухъ краткостей и употребляютъ одинакую транскрипцію, напр. для словъ: крајъ и конјъ. Они не замѣчаютъ, что ь въ этомъ отношеніи занимаетъ середину между *и* и *й*, что *й* есть такъ-сказать удлиненіе *еря* или наоборотъ *ь* есть сокращеніе *й* [1]). Оттуда превратное мнѣніе, будто отонченныя согласныя (бь, вь и проч.) составляютъ «mouillirte Laute» или «согласные дифтонги». Первое выраженіе примѣнилъ къ этимъ славянскимъ

какъ *ль*, а не какъ *лъ*; слѣдов. *э* есть гласная тонкая или, если вы предпочитаете болѣе употребительный терминъ, — мягкая гласная. Не говорю уже о томъ случаѣ, когда *э* и безъ того представляетъ француз. *é* или нѣмецкій сжатый звукъ *e*, напр. въ именахъ *Эмилія*, *поэзія*.

[1]) Даже Востоковъ впалъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій, въ этотъ промахъ, сказавъ, что *ь* и *й* одно и то же (См. его Филолог. наблюденія, стр. 18).

звукамъ Брюкке (Grundzüge [1], стр. 98), второе находимъ у Шлейхера (Ksl. Fl., стр. 34). На невѣрность теоріи Брюкке я указалъ уже прежде[1]), такъ какъ у Французовъ l и n mouillés слышатся каждый какъ два звука (lj, nj), тогда какъ въ нашихъ ль, мь, нь и т. д. тонкій пазвукъ совершенно сливается съ согласною въ одинъ звукъ, изъ котораго никакъ нельзя выдѣлить jot. Впрочемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я тѣмъ болѣе могу быть краткимъ, что уже г. Сиверсъ (Grundzüge, стр. 105) выяснилъ его и справедливо назвалъ русскій ь редуцированнымъ йотомъ. Смѣшеніе jot съ *еремъ* повторяется и у г. Лескина: по его мнѣнію, ль, рь, нь, пишется вмѣсто лјь, рјь, нјь и по-настоящему й должно быть всегда читаемо какъ jï (т. е. jь)[2]). Но дѣло въ томъ, что такія слова, какъ напр. голубь, червь, лебедь, князь, гость вовсе не имѣютъ j въ концѣ, ибо иначе предшествующіе *ерю* согласные б, в, д, з, т непремѣнно умягчились бы въ бл, вл, ж или жд, ч или щ, какъ это дѣйствительно произошло въ другомъ разрядѣ словъ, именно въ такихъ словахъ, какъ корабль, журавль, ложь, вождь, кличь, плащь, которыхъ первоначальную форму можно представить себѣ такъ: корабьй, журавьй, логьй, водьй и т. д., т. е. въ послѣднемъ рядѣ словъ смягченіе было двойное и оттого произошло измѣненіе согласныхъ въ ихъ окончаніяхъ; ясно что здѣсь j (й) дѣйствительно имѣлъ физіологическое значеніе[3]). Въ первомъ ряду, напротивъ, не видно ничего подобнаго, и нельзя не признать мнѣніе о присутствіи въ этихъ словахъ йота лишеннымъ основанія. Только при переходѣ звука въ другой можно сказать, что ему предшествовало то, что Нѣмцы называютъ Mouillirung. Что касается начертанія jь (ji), то оно представляетъ еще

---

[1]) Филол. разыск., т. II, стр. 24.

[2]) Handbuch der altbulg. Sprache стр. 15; также Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig 1876), стр. 9, 10, 84 и проч.

[3]) Присутствіе *й* при двойномъ, или полномъ умягченіи звуковъ очевидно особенно въ звукахъ губного органа: *л* послѣ *б*, *п*, *в*, *ф*, *м* есть не что иное, какъ замѣна йота, который и въ другихъ языкахъ легко подвергается такимъ превращеніямъ или становится на мѣсто другихъ звуковъ. Ср. итал. pianto, piegare, bianco, fiamma съ франц. plante, plier, blanc, flamme.

и тотъ абсурдъ, что если въ самомъ дѣлѣ ь значитъ jь, то произойдутъ слѣдующія, до безконечности простирающіяся формулы: конь=конjь=конjjь=конjjjь и т. д.

Ничѣмъ-инымъ, какъ такимъ же смѣшеніемъ еря съ йотомъ, можно объяснить, ка́къ могъ такой геніальный филологъ какъ Шлейхеръ не оцѣнить вѣрности различія, указаннаго Миклошичемъ между произношеніемъ е, ё, я, ю въ началѣ слога (praejotirte Laute) и произношеніемъ этихъ же буквъ послѣ согласныхъ (praejerirte Laute): увлеченный своею теоріею цетацизма, онъ въ своей грамматикѣ цсл. языка (стр. 84) рѣшительно высказался противъ этого взгляда.

Но и г. Миклошичъ, кажется, не совсѣмъ правъ, находя, что *мои*, *твои*, *краи*, въ древнихъ памятникахъ должны быть всегда произносимы какъ моjи, твоjи, краjи. Въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ не слышно въ такихъ словахъ йота, и нѣтъ основанія предполагать этотъ звукъ и въ древней ихъ формѣ, такъ какъ правописаніе не подаетъ къ тому повода. Русскіе (оставляю въ сторонѣ возможныя различія въ діалектическихъ говорахъ) выговариваютъ *и* за *йи* только въ личномъ мѣстоменіи: *ихъ*, *имъ*, *ими* и въ такихъ случаяхъ, какъ чьи, соловьи, Натальи. Востоковъ замѣчаетъ: «Надъ *и* древніе писцы не ставили знака краткости, а писали равно именит. сд. и именит. множ. *мои*, *твои*, *свои*; однакожъ вѣроятно произносили въ первомъ случаѣ мой, твой, свой, а въ второмъ мои, твои и пр., какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ». (Фил. Набл., стр. 21).

Показавъ отношеніе между *й* и *ь*, перейду теперь къ *еру*. Прежде всего надобно замѣтить, что произношеніе согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ (отмѣчается ли оно или нѣтъ на письмѣ), напрасно оставляется изслѣдователями безъ вниманія и они занимаются только *еремъ*. Выше уже, при общемъ разсмотрѣніи обѣихъ полугласныхъ, я замѣтилъ, что по причинѣ элемента ъ у насъ звуки, какъ согласные, такъ и гласные, слышатся совсѣмъ иначе, нежели въ западно-европейскихъ языкахъ. Г. Миклошичъ полагаетъ (Lautl. стр. 379), что «ъ въ

произношеніи безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ предшествующій ему согласный сохраняетъ свой звукъ». Это выраженіе не только не точно, такъ какъ здѣсь ъ трактуется лишь какъ знакъ, а не какъ звуковой элементъ, но и не совсѣмъ отвѣчаетъ истинѣ: ибо каждый отмѣченный *еромъ* согласный имѣетъ именно тотъ звукъ, который онъ можетъ имѣть передъ широкими гласными или передъ приступомъ къ ихъ произношенію. Что значатъ слова: согласная *сохраняетъ* свой звукъ? Ей свойственны два звука, смотря по тому, который изъ двухъ элементовъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Что *ъ* въ произношеніи безслѣдно не исчезаетъ, видно изъ того, что если непосредственно за словомъ, кончающимся на ъ, произнести другое, начинающееся съ *и*, то этотъ послѣдній звукъ превращается въ *ы*, напр. *идетъ изъ* звучитъ какъ *идетызъ*, *зналъ имя* какъ *зналымя*. Всего яснѣе это обнаруживается при предлогахъ въ, съ, объ, подъ и др., ибо *подъ именемъ*, напр., слышится *подыменемъ*, чтó особенно наглядно является въ сложныхъ словахъ, гдѣ *ы* даже и пишется, напр. въ *обыскъ*, *предыдущій*, *сызнова*. Широкое произношеніе *и* послѣ *ъ* есть физіологическая необходимость Поэтому-то для западнаго Европейца такъ же трудно усвоить себѣ настоящее произношеніе *ы*, какъ и звуковой элементъ *ъ*: еслибъ было справедливо (какъ часто утверждаютъ), что русскія согласныя, отмѣченныя *еромъ*, звучатъ точно такъ же, какъ согласныя другихъ европейскихъ языковъ, то Нѣмцу было бы столь же естественно звукъ *и* послѣдующаго слова произносить какъ *ы*, и «er ist» слышалось бы какъ: эрыстъ.

Подобно еру, и *еры* составляетъ для большей части германскихъ филологовъ звукъ неразгаданный. Г. Миклошичъ полагаетъ, что *ы* въ древне-славянскомъ всегда было двугласнымъ (Lautl. стр. 112) и что въ односложныхъ русскихъ словахъ онъ звучитъ какъ *ый* (тамъ же, стр. 382). Послѣднее мнѣніе лишено всякаго основанія, а что касается перваго, то едва ли можно сомнѣваться, что ы было у славянскихъ народовъ однимъ изъ исконныхъ звуковъ, такъ какъ оно въ тѣсной связи съ *еромъ*: если этотъ послѣдній никогда не былъ яснымъ, полнымъ гласнымъ (чтó

признано почти всѣми), то *ъи* должно было естественно звучать простою гласной; на это указываетъ какъ присутствіе его, такъ и названіе въ кириллицѣ. Поэтому Шлейхеръ, кажется, правъ, ограничивая двугласность ера двумя случаями (Ksl. Formenl. стр. 60). Но о произношеніи *еры* и онъ повидимому не имѣлъ яснаго понятія, приравнивая его не разъ къ нѣмецкому ü. Такъ въ «Транскрипціи Кириллицы» (Beiträge I, стр. 31) онъ говоритъ объ этомъ: «можетъ быть, надо произносить его какъ ŭj, какъ оно и пишется въ кириллицѣ (ъі), а можетъ быть и какъ нѣмецкое ü». Но что сказалъ бы Нѣмецъ, еслибъ онъ изъ устъ Русскаго услышалъ свое слово Müh выговореннымъ какъ *мы?*» Стóитъ только обратить вниманіе на различное положеніе рта при произношеніи этихъ двухъ звуковыхъ комплексовъ, чтобы убѣдиться, какъ неудачно это сравненіе.

Г-ну Брюкке (Grundzüge [2] стр. 30) въ *еры* также слышится не вполнѣ образованный звукъ u[i]. Правильное пониманіе звука ы находимъ мы только у г. Лепсіуса: онъ признаетъ, что *ы* дѣйствительно какъ ü представляетъ сліяніе у съ і, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумно разъясняетъ разницу между ü и ы. Вся теорія его объ этомъ послѣднемъ звукѣ такъ интересна, что я считаю полезнымъ привести ее цѣликомъ: «Гласная *e*, говоритъ онъ, не столько занимаетъ середину между *a* и *i*, сколько *ü* между *у* и *i*; ибо движеніе отъ *a* къ *i* есть простое, равно устремленное къ одному пункту; движеніе же отъ *у* къ *i*, или обратно, есть двойное, обоюдно перебивающееся. Если сравнимъ, какъ образуются *i* и *у*, то увидимъ, что при образованіи *у* губы кругло протягиваются впередъ, языкъ же отдергивается на самого себя, такъ что въ передней части рта образуется пустое пространство, котораго діаметръ больше нежели входъ и выходъ его, и отъ резонанса котораго происходитъ глухой тонъ этого звука. Для произнесенія *ü* дѣлятся функціи обоихъ органовъ: языкъ сохраняетъ то же положеніе, какъ при *i*, губы же принимаютъ положеніе, нужное для *у*. Если слѣдовательно оба эти положенія органовъ рѣчи признаются равно существенными, то *ü* дѣйствительно занимаетъ середину

между обоими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что между *і* и *у* должна быть еще *другая средина*, столь же законная. Ибо мы можемъ образовать и такой звукъ, при которомъ губы имѣютъ широкое положеніе для *і*, языкъ же—укороченное положеніе для *у*. Этотъ звукъ не только возможенъ, но и на самомъ дѣлѣ развитъ во многихъ языкахъ, какъ звукъ важный и характеристическій для ихъ фонетики. Это тотъ самый звукъ, который всего болѣе извѣстенъ изъ славянскихъ языковъ, русское *еры*, называемое дебелымъ і (das harte i) и означаемое въ польскомъ чрезъ *y*. Но этотъ звукъ, по моему мнѣнію, всего первобытнѣе въ татарскихъ языкахъ, какъ то въ турецкомъ, татарскомъ, якутскомъ, гдѣ онъ составляетъ существенную принадлежность соотвѣтствія гласныхъ (Vokalharmonie) и повидимому вызванъ главнымъ образомъ послѣдовательностію этого закона. Слѣды *еры* можно указать и въ родственныхъ съ названными дравидскихъ языкахъ Индіи. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что различеніе заднихъ, низкихъ и глухихъ гласныхъ *а о у* отъ переднихъ, высокихъ и звонкихъ е, ọ̤, ụ̤, і существуетъ во всѣхъ языкахъ и обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ и вліяніяхъ. Его значеніе особенно важно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, какъ въ манджурскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, турецкомъ, якутскомъ, мадьярскомъ, финскомъ, оно служитъ основаніемъ свойственнаго имъ соотвѣтствія гласныхъ. Такъ называемымъ дебелымъ (harten) гласнымъ *а о у*, произносимымъ съ *отдернутымъ назадъ* языкомъ, соотвѣтствуютъ въ томъ же порядкѣ произносимыя съ *протянутымъ впередъ* языкомъ такъ называемыя мягкія (weichen) гласныя е, ọ̤, ụ̤. Четвертому мягкому гласному *і* не было бы соотвѣтствующаго дебелаго, если бъ въ правильную систему звуковъ не было принято выше описанное *ы*, т. е. такое *і*, которое выговаривается съ *отдернутымъ* до нёбнаго пункта языкомъ. Теперь другъ другу отвѣчаютъ *а о у ы* и е, ọ̤ ụ̤, і» [1]).

[1]) Abhandlungen der Königl. Akademie des Wissensch. zu Berlin 1861, «Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift», стр. 150.

Сверхъ широкаго *и* (ы, поль. y) есть въ польскомъ еще широкое *е*, которое особенно ясно слышится послѣ дебелаго *л* (лъ), какъ напр. въ łeb, łecht, łeb, łezka (что по-русски слѣдовало бы писать: лъэбъ, лъэхтъ, и пр.), —звукъ, на который германскіе филологи до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Правда, и Русскіе произносятъ его при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое кончается *еромъ*, а второе начинается съ широкаго *э*, какъ напр. въ словахъ: зналъ это; но въ серединѣ словъ это *э* у насъ невозможно. Въ началѣ слова это *э* можетъ образоваться въ русскомъ языкѣ вообще послѣ широкихъ согласныхъ (отмѣченныхъ *еромъ*), напр. *объ этомъ*, *съ этого*, *двухъэтажный*, въ коихъ слоги *бъэ*, *съэ*, *хъэ* звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ въ такихъ сочетаніяхъ: объ *этихъ*, съ *этимъ*, гдѣ *э*, несмотря на предшествующій *ъ*, произносится узко, сообразно съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ (ти).

Это различіе основывается на законѣ, давно уже и не разъ указанномъ мною, но до сихъ поръ еще не всѣми признаваемомъ (см. мои Филол. Разысканія, т. I, стр. 265 и т. II, стр. 31, 315). Впрочемъ г. Миклошичъ (Lautl., стр. 374) уже упомянулъ объ этомъ двоякомъ произношеніи звука э (е, ѣ) по наблюденію нашего академика Бетлинга, который независимо отъ меня также замѣтилъ эту разницу. Люди, еще сомнѣвающіеся въ справедливости нашего наблюденія, которое подтвердитъ всякій не лишенный сколько-нибудь тонкаго слуха, могутъ для повѣрки вслушаться особенно въ произношеніе азбучныхъ названій *ѐръ* и *éрь*.

Едва ли кто, произнеся ихъ, можетъ не замѣтить поразительной разницы въ выговорѣ не только *р*, но и *е* въ томъ и въ другомъ словѣ: для этого стóитъ только, произнеся *е* для *ръ*, вдругъ попробовать приложить къ гласной звукъ *рь* и на оборотъ, т. е. какъ *рь* не придется къ *ѐ*, такъ и *ръ* не придется къ *é*.

Ограничусь на этотъ разъ изложенными замѣчаніями. Само собою разумѣется, что мое несогласіе съ германскими филологами по нѣкоторымъ вопросамъ нашей фонетики нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить услуги, оказанныя ими изученію славянскихъ языковъ, къ оживленію и успѣхамъ котораго они много

содѣйствовали не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Не менѣе благодарности заслуживаютъ и тѣ изслѣдователи, которые оказываютъ этому изученію косвенную пользу трудами по физіологіи звуковъ. Изъ новыхъ дѣятелей по этой части я не разъ ссылался на гг. Сиверса и Крейтера. Книга перваго Grundzüge der Lautphysiologie явилась въ 1876 г. какъ введеніе въ библіотеку индо-европейскихъ грамматикъ, изданіе, предпринятое въ Лейпцигѣ обществомъ ученыхъ.

О сущности взглядовъ г. Крейтера, выступившаго съ своею Lautverschiebung годомъ позже Сиверса, читатели могли уже судить по сдѣланнымъ мною выпискамъ изъ приложенія къ этому труду.

Г. Сиверсъ, съ своей стороны, находя старинное раздѣленіе звуковъ на гласные и согласные, не вполнѣ удовлетворительнымъ, предлагаетъ новое: смотря по тому, на какой звукъ падаетъ главное удареніе слога, онъ дѣлитъ звуки на *сонанты* и *консонанты*, разумѣя подъ послѣдними такіе вообще звуки, которыми только сопровождаются носящіе главное удареніе. Основаніемъ этого дѣленія служитъ функція (роля), исполняемая звуками въ словѣ. Изъ этого видно, что г. Крейтеръ только развилъ далѣе теорію, созданную его предшественникомъ.

Въ отношеніи къ самой сущности звуковъ и ихъ акустическому характеру г. Сиверсъ принимаетъ слѣдующіе разряды:

I. Звонкіе (Sonore), подраздѣляемые имъ на:

1. Гласные.
2. Плавные.
3. Носовые.

II. Шумящіе (Geräuschlaute), и именно:

1. Смычные или взрывочные (Verschluss-oder Explosivlaute).
   а. Шопотные (tenues, tonlose mediae).
   б. Голосовые (tönende mediae).
2. Спиранты или проточные:
   а. Шопотные (напр. ф, с, х, ш).
   б. Голосовые (напр. в, з, ж).

На ряду съ германскими изслѣдователями, способствовавшими въ недавнее время успѣхамъ физіологіи звуковъ, надо поставить молодого шведскаго ученаго, доцента Упсальскаго университета Леффлера (L. F. Leffler), который въ своемъ трудѣ: Några ljudfysiologiska undersökningar rörande konsonantljuden[1]) занялся разсмотрѣніемъ двухъ вопросовъ: 1) дѣйствительно ли артикулируется дважды согласная, удвояемая на письмѣ, напримѣръ въ словѣ *труппа*; и 2) въ чемъ собственно заключается физіологическое различіе между такъ называемыми твердыми (mutae tenues: п, т, к) и мягкими мгновенными звуками (mutae mediae: б д г).

Не касаясь второго вопроса, разрѣшеніе котораго представляетъ большія трудности, я здѣсь укажу только на выводы, къ которымъ г. Леффлеръ приходитъ по первому, и на употребленные имъ остроумные пріемы для разрѣшенія его. Но прежде надо упомянуть о господствующемъ въ наукѣ, согласно съ заключеніемъ Брюкке, взглядѣ на этотъ предметъ, принятомъ и мною въ моихъ *Филологическихъ Разысканіяхъ*. «Въ физіологическомъ смыслѣ, сказано тамъ (т. II, стр. 249), удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ не бываетъ, а есть только способъ произношенія его, который на письмѣ такъ означается. Когда мы пишемъ: *труппа*, *матта*, *Мекка*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, чтó должно бы слышаться, если бъ мы написали: трупъ-па, матъ-та, Мекъ-ка». Цѣль двойного начертанія согласной—только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлиненіе, или, точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (п, б; т, д; к, г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ неболь-

[1]) Upsala Universitets Årsskrift на 1874 годъ.

шой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (в ф, з с, ж ш, м н р л) просто протягивается. Г. Леффлеръ утверждаетъ, что мнѣніе Брюкке относительно мгновенныхъ согласныхъ въ этомъ случаѣ несправедливо, что звукъ дѣйствительно удвоятся, съ тою только разницею, что сперва мы образуемъ его *затворомъ*, а потомъ, во второй разъ, *растворомъ*, т. е. что когда мы произносимъ напр. *труп-*, *мат-*, *мек-*, то хотя преграда еще не разрѣшена, однакожъ звукъ уже вполнѣ образованъ. Чтобы доказать это, г. Леффлеръ предварительно пересматриваетъ всю теорію смычныхъ звуковъ (Verschlusslaute), иначе мгновенныхъ, которые онъ называетъ klusela ljud; по его опредѣленію, это такіе звуки, которые для своего образованія требуютъ прегражденія (afspärring) воздушнаго тока совершеннымъ затворомъ какъ носового канала (посредствомъ небной занавѣски), такъ и полости рта (посредствомъ губъ или языка). Эти смычные звуки онъ раздѣляетъ на два разряда:

1) Звуки, которые происходятъ при образованіи затвора, т. е. когда выдыхаемый воздушный токъ преграждается закрытіемъ носового канала и полости рта: это *затворные* (implosiva) смычные звуки; въ типической системѣ знаковъ буквы для этихъ звуковъ должны бы имѣть особую примѣту, наприм. горизонтальную черточку съ лѣвой стороны: ¯п, ¯т, ¯к; ¯б, ¯д, ¯г.

2) Звуки, происходящіе, когда вогнанный въ полость рта и задержанный преградою воздухъ выпускается открытіемъ загражденнаго пути; это *растворные* (explosiva) смычные звуки; для отличія ихъ отъ предыдущихъ слѣдовало бы отмѣчать ихъ черточкою съ правой стороны: п¯, т¯, к¯; б¯, д¯, г¯.

Эта теорія отличается отъ установленной профессоромъ Брюкке и принятой другими физіологами тѣмъ, что они для полнаго образованія смычного звука считаютъ оба акта необходимыми, и потому даютъ звукамъ этого рода еще другое названіе, обнимающее какъ приготовительный затворъ, такъ и разрѣшеніе его,— названіе explosivae (взрывочные). Съ перваго взгляда мнѣніе г. Леффлера представляется совершенно основательнымъ, но

при ближайшей повѣркѣ его однакожъ оказывается, что звуки п б, т д, к г, образованные только затворомъ, напр. въ словахъ: трӯп, ā б, мāт, Ā д, Мē к, Бāг, не могутъ считаться вполнѣ образованными пока они не опредѣлятся окончательно растворомъ; безъ этого послѣдняго они такъ неясны, что трудно и распознать ихъ по одному слуху, т. е. не слѣдя за самыми движеніями устныхъ органовъ. Слѣдовательно нельзя не согласиться съ г. Брюкке, что для полнаго образованія звука затворъ долженъ быть дополненъ растворомъ, какъ видно напр. въ словахъ: *трупъ*, *абъ*, *матъ*, *адъ*, *мекъ*, *Багъ*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ: труп-па, аб-батъ, мат-та, Ад-да, Мек-ка, Баг-ге, чѣмъ отличается произношеніе этихъ звукосочетаній отъ выговора слѣдующихъ: тру-па, а-батъ, ма-та, Ме-ка, ба-ге? Въ обоихъ случаяхъ полный звукъ образуется одинакимъ образомъ, но разница въ томъ только, что во второмъ случаѣ мы не отдѣляемъ завора отъ раствора; въ первомъ же относимъ затворъ къ предъидущему слогу, а растворъ отдѣляемъ отъ него и относимъ къ послѣдующему.

Г. Леффлеръ въ своемъ разсужденіи не касается славянскихъ языковъ, и только однажды, мимоходомъ, замѣчаетъ о ихъ письмѣ, что оно не точно передаетъ произношеніе, не означая начертаніями удвоенія звуковъ. На это слѣдуетъ возразить, что таковъ дѣйствительно обычай въ письменности нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр. Чеховъ и Сербовъ, но у насъ преобладаетъ однакожъ правило означать и на письмѣ слышимое въ выговорѣ удвоеніе звуковъ.